

Еще жила жена у Феба в доме.
Все в той же самой расписной хороме.
Любил ее супруг и баловал
И сутки круглые ей угождал,
Но только, если правду вам сказать,
Затеял он супругу ревновать.
Держал ее, бедняжку, под замком
И никогда гостей не звал он в дом,
Страшась, что ими может быть обманут.
Хоть ревновать мужья не перестанут,
Но им скажу: друзья, напрасный труд.
Вас все равно супруги проведут,
Как бы ни заперли вы клетку прочно.
Когда в делах и мыслях непорочна
Жена, зачем ее вам запирасть?
Развратницу ж не тщитесь охранять,
Всегда найдется для нее лазейка.
А там поди-ка укори, посмей-ка.
Чем жен стеречь... да лучше прямо в ад!
Вам это все преданья подтвердят.
Но я вернусь к тому, с чего я начал.
Достойный Феб, о том весь свет судачил,
Любил без памяти свою жену.
Из всех страстей он знал лишь страсть одну -
Ей угождать до самой до могилы.
И не жалел своей мужской он силы,
Лишь бы с супругою в приятстве жить
И навсегда единственным пребыть.
Но ничего снискать не удастся,
Когда природа в чем-нибудь упрется.
К упрямству склонна вся живая тварь
Теперь не меньше, чем когда-то встарь.
Из коршуна не сделаешь наседку.
Возьмите птицу и запирайте в клетку,
Ее кормите золотым пшеном,
Поите не водой, а хоть вином
И содержите в чистоте и холе -
Но захиреет пленница в неволе.
Стократ дороже клетки золотой
Простор полей или шатер лесной,
Где в скудости, в опасности и в страхе
Жить доводилось этой бедной птахе,
Где в пищу ей лишь червяки, да гады,
Да нечисть всякая. А птицы рады,
Когда из клетки могут упорхнуть,
Опять свободно крыльями взмахнуть.
Возьмите кошку, молоком поите
Иль мясом, рыбой вы ее кормите,
А под вечер укладывайте спать
С собою рядом в теплую кровать -
Но пусть услышит мышь она в норе
Или увидит птицу на дворе,
Вмиг позабудет сливки, молоко,
Глаза свои раскроет широко
И на охоту тотчас побежит,